

Мейв Бинґи
Сердце
и душа

Maeve Binchy
Heart
and soul

Мейв Бинчи
Сердце
и душа

Роман

Перевод с английского
Натальи Казаковой

издательство **АСТ**
Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Ирл)-44
Б62

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Издание осуществлено при техническом содействии издательства АСТ

Бинчи, Мейв

Б62 Сердце и душа: роман / Мейв Бинчи; пер. с англ. Натальи
Казаковой. — Москва: Астрель : CORPUS, 2013. — 576 с.

Роман “Сердце и душа” известной ирландской писательницы Мейв Бинчи повествует о буднях одной кардиологической клиники в тихом районе Дублина, где пересекаются пути самых разных людей. Кардиолог Клара Кейси подавала большие надежды, пока не встретила будущего мужа и не родила двух дочерей. Теперь она в разводе, карьера не удалась, а от взрослых детей сплошные проблемы. Деклан Кэрролл вырос на окраинах Дублина, его родители отказывали себе во всем, чтобы их сын стал доктором, и теперь ему предстоят очередные полгода стажировки, чтобы приблизиться к исполнению мечты. Жизнерадостная медсестра Фиона всегда любила свою работу, ведь именно она помогла ей забыть после краха личной жизни и расставания с обманщиком Шейном. Полячка Аня приехала в Дублин, чтобы заработать побольше денег для своей матери и восстановить их доброе имя на родине. У всех них разные жизненные истории и разные проблемы, но однажды они случайно встречаются, и это навсегда меняет их жизнь.

ISBN 978-5-17-078146-1 (ООО “Издательство АСТ”)

УДК 821.111-31
ББК 84(4Ирл)-44

ISBN 978-5-17-078146-1 (ООО “Издательство АСТ”)

© Maeve Binchy, 2008
© Н. Казакова, перевод, 2013
© А. Бондаренко, оформление, 2013
© ООО “Издательство Астрель”, 2013
Издательство CORPUS ®

*В память о моей дорогой младшей сестренке Рени.
И с большой любовью и благодарностью Гордону,
который делает плохие времена терпимыми,
а хорошие — волшебными.*

Пролог

Бывают проекты, заведомо обреченные на неудачу.

Именно таким проектом оказались заброшенные склады госпиталя Святой Бригид — отталкивающего вида нагромождение хозяйственных построек, окружающих двор больницы. Когда-то в них хранились припасы, но расположение складов было ужасно неудачным. По новым правилам дорожного движения надо было долго и мучительно пробираться по узким и пыльным дублинским улицам, чтобы попасть от складов в сам госпиталь.

В этой части города сохранились старые коттеджи, в которых раньше жили рабочие, и фабричные здания, переделанные в многоквартирные дома. Район, как утверждали агенты по недвижимости, считался перспективным. В один прекрасный день принадлежащие госпиталю склады привлекли внимание перекупщиков, и они сделали руководству предложение, от которого, казалось бы, невозможно отказаться.

Фрэнк Эннис ликовал. Он считал себя кем-то вроде финансового управляющего госпиталя Святой Бри-

гид и был уверен, что это предложение как раз то что нужно. Единовременное получение столь крупной суммы обещало большие возможности!

Фрэнк так и видел, как он теперь сможет развернуться.

Каждый раз, когда члены правления собирались на ежегодное собрание, возникали различные проблемы — то одно, то другое. Все это мешало Фрэнку вплотную заняться делом и сбегать кому-нибудь этого бесполезного “белого слона”, чтобы вложить деньги в развитие госпиталя. В один год приняли решение устроить там отделение ревматологии, хотели даже на его базе оборудовать клинику. В другой отдали помещение пульмонологам и собирались открыть центр помощи легочным больным. При этом горластые кардиологи все настойчивее требовали, чтобы те пациенты, за которыми есть кому ухаживать, лечились амбулаторно, и убедительно доказывали, что это позволит освободить больше койко-мест. Кардиологи напоминали собаку, вцепившуюся в кость: попробуй отними — загрызут.

Когда они вошли в тесный и душный зал заседаний, Фрэнк тихонько вздохнул. За круглым столом сидели члены правления. Созерцание их физиономий не доставляло Фрэнку никакого удовольствия. Обычное сборище, какое можно увидеть на любом больничном собрании. Была здесь и дама, которую он про себя окрестил “монахиней в штатском”. Когда-то управление госпиталем Святой Бригид находилось в руках монахинь, но сейчас здесь осталось лишь четыре сестры. Новых не брали. Были и чиновники от здравоохранения, известные уважаемые бизнесмены, зарекомендовавшие себя разносторонней деятельно-

стью, и невозмутимый филантроп-американец Честер Ковач, открывший частный оздоровительный центр за много миль отсюда в какой-то глуши.

Монахиня, как обычно, открыла окно, бумаги мгновенно взмыли в воздух и начали кружить вокруг стола, и кто-то встал, чтобы окно закрыть. Фрэнк неоднократно бывал свидетелем подобных сцен. Но сегодня его не оставляло предчувствие удачи. У него было письмо от застройщика с предложением внушительной суммы за безотлагательную передачу в собственность пресловутого участка земли со складами, до сих пор бессмысленно пустующего. Стоит ему только озвучить эту сумму, и почтенное собрание мигом обратится в слух.

Конечно, возникнет вопрос, как распорядиться деньгами. Может быть, купить новые ультрасовременные томографы? Или сделать капитальный ремонт фасада больницы? Как и у многих построек начала двадцатого века, к приемному покою госпиталя вели крайне неудобные каменные ступени. А для больных более уместен и практичен был бы пологий пандус.

В женской хирургии не хватает не только отдельных палат, но даже коек. Врачи из отделения интенсивной терапии настойчиво требуют закупки нового оборудования, на которое опять-таки нужны деньги.

Что ж, по крайней мере, хорошо бы уже сегодня дать положительный ответ застройщику и прекратить впустую тратить время на эти бесконечные междоусобные разборки, кому полагается кусок побольше.

Кофе с печеньем принесли, повестку дня определили, совещание началось. И вдруг Фрэнк почувствовал,

что дело принимает не тот оборот, на который он рассчитывал.

Члены правления очень некстати начитались какой-то свежей статистики, доказывающей, что ирландцы сами виноваты в своих сердечных недугах. Мол, неправильный образ жизни, питание, употребление алкоголя и курение не проходят бесследно. Все принялись обсуждать, как поддержать сердечных больных. Хорошо бы оказаться в авангарде борьбы против сердечных недугов. Кардиологический центр очень помог бы пациентам ускорить выздоровление. Фрэнк мысленно послал тысячу проклятий тем, кто опубликовал эти цифры прямо перед совещанием. Более того, ему казалось, что все это вполне могло быть сделано нарочно — слишком уж нахальны здешние кардиологи. Мнят себя чуть ли не богами.

В надежде на поддержку он обернулся к Честеру Ковачу, который в сложных ситуациях обычно проявлял завидное здравомыслие. Но нет. Честер очень вдохновился и заявил, что был бы счастлив, если бы госпиталь встал в авангарде такого прекрасного начинания. В конце концов, деньги — это всего лишь деньги.

Фрэнк задохнулся от возмущения. Легко Честеру говорить, что это “всего лишь деньги”; у него их куры не клюют. Да, его нельзя упрекнуть в скупости, но что он понимает, этот польско-американский внук ирландца, готовый верить каждому встречному.

Фрэнк был вне себя от злости.

— Это не “всего лишь деньги”, Честер, это огромные деньги, на которые можно привести клинику в нормальное состояние.

— Но в прошлом году ты сам хотел продать землю под автостоянку, — напомнил Ковач.

— Сегодня нам предлагают куда более выгодный вариант. — У Фрэнка на лице выступили красные пятна.

— И где б мы сейчас были, если бы тогда пошли у тебя на поводу? Вон как все обернулось, — мягко, но непреклонно возразил Честер.

— Я столько времени потратил, чтобы добиться этого предложения...

— Но мы же решили, что нам не нужна автостоянка.

— Сейчас речь не о стоянке, а о грандиозном строительстве! По последнему слову техники!

— Госпиталю это не нужно, — уперся Ковач.

— Вообще-то, раз уж у нас есть этот клочок земли, надо, чтобы он приносил какую-то пользу, — подал голос влиятельный бизнесмен.

— Он и будет приносить, мы сделаем на нем деньги и вложим их в развитие госпиталя. — У Фрэнка было ощущение, что он находится в классе для умственно-отсталых.

Монахиня поджала губы.

— Нам бы не хотелось нарушать заведенный в госпитале порядок.

— А строительство этому порядку как-то противоречит? — едко поинтересовался Фрэнк.

— Возможно, дорогостоящее строительство, пусть даже по последнему слову техники, не совсем то, чего хотят благочестивые сестры, — дипломатично высказался Честер.

— Да ваши благочестивые сестры давно уже вымерли! — взорвался Фрэнк.

Честер покосился на монахиню. Она выглядела оскорбленной до глубины души. Опять ему выпала роль миротворца.

— Мистер Эннис хотел сказать, что миссия сестер давно завершена, они выполнили свою работу. Но они оставили после себя наследство, которым нужно распорядиться с умом. Обществу в большей степени требуется нормальное здравоохранение и в меньшей — роскошные жилищные комплексы, где на каждую квартиру по две машины, усугубляющие и без того плачевную ситуацию на дорогах. Необходима хорошо продуманная система, которая позволит людям, страдающим сердечными заболеваниями, жить нормальной, полноценной жизнью. И, откровенно говоря, если дело дойдет до голосования, то я точно знаю, что мне ближе, и я свой выбор сделал.

Последние слова прозвучали несколько высокопарно.

Фрэнк упал духом. Рухнули все его утренние надежды сбегать эту землю, которая снова оказалась на повестке дня. Кардиологи победили. Теперь начнутся бесконечные согласования стоимости строительных работ, мебели, оборудования. Назначат директора, утвердят штатное расписание. Фрэнк тяжело вздохнул. Почему у людей нет ни капли здравого смысла? Они могли бы иметь все что угодно, если бы дали себе труд задуматься, как устроен этот мир. А вместо этого они только все усложняют и запутывают.

Он досидел до конца совещания, слушая вполуха. Началось голосование по вопросу использования недвижимости, а именно: бывших складских помещений, принадлежащих госпиталю. Как и следовало ожи-

дать, решение о строительстве кардиологического центра было принято единогласно.

Фрэнк было заикнулся о том, что надо бы для начала проанализировать план на предмет экономической целесообразности, но его даже слушать не стали. Действительно, зачем, усмехнулся про себя Эннис, делать дело, если можно еще лет шесть потратить на разговоры. Они думают, что согласия достаточно. Ну что ж...

Теперь придется собирать чрезвычайное общее собрание, утверждать бюджет, объявлять строительный тендер, согласовывать с кардиологами штат.

Народ зашуршал ежедневниками, назначили дату собрания. Фрэнк высказал предположение, что раньше чем через полгода собираться не имеет смысла, но Честер заявил, что это дело нескольких недель, они как раз успеют получить все документы. Строители, должно быть, рвутся приступить к работе. Представитель от кардиологов сказал, что врачи госпиталя готовы в кратчайшие сроки представить свои требования.

— Требования? — фыркнул Эннис.

— Разумеется, на пост директора будет объявлен конкурс? — произнесла монахиня.

— Да уж, конечно, он будет проходить конкурс, — пробормотал Фрэнк, все еще остро переживая горечь поражения.

— Он или она, — жестко уточнила монахиня.

— Бог ты мой, как я мог забыть, — хмыкнул Фрэнк. Он часто забывал о женщинах. Когда в гольф-клубе из-за женского турнира переносили его игру, он приходил в ярость. Он и жениться до сих пор не собрал-

ся из-за своей забывчивости. Что, впрочем, возможно, и к лучшему. — Да, разумеется, он или она, — громко сказал он. — Старомоден я, грешный.

— Зря вы так, мистер Эннис, — укорила его монахиня, снова открывая окно, чтобы впустить свежий воздух.

Глава 1

Клару Кейси предупредили, что на обустройство нового места денег выделяют немного. Суетливый администратор с звучным голосом, взъерошенными волосами и раздражающей манерой размахивать руками обвел широким жестом унылую, неуютную комнату с серыми стенами и неуместными стальными шкафами. Не на это она рассчитывала, старший консультант с тридцатью годами учебы и медицинской практики за плечами. И все же гораздо мудрее начинать работу с позитива.

Она с трудом вспомнила имя собеседника.

— Да... э-э-э... Фрэнк, безусловно, — произнесла она. — Я здесь вижу большой потенциал, если можно так выразиться.

Он ожидал другой реакции. Эта красивая сорокалетняя шатенка в элегантном сиреновом трикотажном костюме расхаживала по маленькой комнатке, как львица по клетке.

— Потенциал не безграничный, доктор Кейси, — поспешно проговорил он, — во всяком случае, боюсь,

не в плане финансов. Но... пройтись краской, прикупить симпатичной мебели... женская рука творит чудеса. — Он снисходительно улыбнулся.

Клара с трудом удержалась от резкости.

— Да, конечно, именно так я и рассуждала бы, собираясь украсить собственный дом. Но здесь — совершенно другое дело. Прежде всего я не могу работать в комнате, затерянной среди коридоров. Если я управляю этим заведением, я должна сидеть в центре — и управлять.

— Но все будут знать, где вы, на двери будет ваше имя, — сбивчиво возразил Фрэнк.

— Прикажете мне работать тут, запершись ото всех? — спросила она.

— Доктор Кейси, вы видели, как распределено финансирование, и знали, каково положение вещей, когда согласились на эту должность.

— О том, где будет мой стол, не было сказано ни слова. Ни единого. Этот вопрос мы собирались обсудить позже. Позже наступило.

Ему не понравилось то, с какой интонацией она это произнесла. Слишком уж это было похоже на менторский тон.

— Ваш стол будет стоять здесь.

Она испытала мимолетное искушение предложить ему называть ее просто Клара, но ей слишком хорошо был знаком подобный тип людей. Чтобы от них чего-то добиться, им нужно постоянно напоминать о своем статусе.

— Думаю, нет, Фрэнк, — твердо возразила она.

— Может, вы покажете, где еще можно вас посадить? Кабинет диетолога и того меньше, секретарше едва хватает места для нее самой и ее папок. Физиотерапевту

нужно оборудование, медсестрам — пост. Приемная должна находиться у входа. Будьте так добры, поделитесь идеями, где найти для вас кабинет, если это, абсолютно приемлемое, место вас не устраивает.

— Я расположусь в холле, — просто ответила Клара.

— В холле? В каком холле?

— В зале, куда входят через стеклянные двери.

— Но, доктор Кейси, это совершенно невозможно.

— Почему же, Фрэнк?

— Вы... окажетесь у всех на дороге, вокруг вас постоянно будут бегать туда и сюда, — начал он.

— В самом деле?

— Никакого личного пространства, это... это неправильно. Там только стол можно поставить!

— А мне ничего, кроме стола, и не нужно.

— Но, доктор, при всем уважении, вам нужно гораздо больше, чем стол. Гораздо больше. Например... шкаф для документов? — Его голос звучал неуверенно.

— Я могу пользоваться одним из шкафов в кабинете секретаря.

— А где вы будете хранить истории болезни?

— В сестринской.

— Но иногда вам будет нужно побеседовать с пациентами наедине.

— Мы назовем эту комнату, которая вам так нравится, консультационным кабинетом. При необходимости каждый сможет ею воспользоваться. Покрасьте стены в спокойный, пастельный цвет, повесьте новые шторы; если хотите, я подберу. Несколько стульев, круглый стол. Хорошо?

Он понимал, что битва проиграна, но взмолился напоследок:

— Раньше дела делались иначе, доктор Кейси, совершенно иначе!

— Раньше здесь не было кардиологической клиники, Фрэнк, нет смысла сравнивать новое с никогда не существовавшим. Мы строим наше заведение с нуля, и если я буду им руководить, я буду делать это так, как считаю правильным.

Выйдя из дверей клиники и направившись к машине, Клара все еще чувствовала спиной его недовольный взгляд. Она шла с высоко поднятой головой и намертво приклеенной на лицо улыбкой. Быстро открыв дверцу, Клара буквально рухнула на водительское сиденье.

Сегодня после работы кто-нибудь непременно спросит Фрэнка, как ему новая начальница. Она дословно знала, что он ответит: “Вся из себя крутая, выскочка”.

Если расспросят поподробнее, он добавит, что она жаждет власти, не может дождаться, чтобы начать распоряжаться и задавить всех авторитетом. Если бы только он знал! Но нет! Никто никогда не узнает, как сильно не хотела браться за новую работу Клара Кейси. Но она согласилась. Согласилась на год. И она будет ее выполнять.

Она выехала на послеполуденное шоссе и только тогда почувствовала себя в достаточной безопасности, чтобы убрать с лица фальшивую улыбку. Предстояло еще заскочить в супермаркет, купить три разных соуса для пасты. Что бы она ни выбрала, одной из девочек непременно не понравится. Сырный слишком аромат-

ный, томатный слишком пресный, песто чересчур модный. Но хоть один из трех их, может быть, устроит. Пожалуйста, пожалуйста, пусть у них сегодня будет хорошее настроение.

Если Ади и ее приятель Герри снова устроят идеологический спор об окружающей среде, китах или птицефабриках, она не выдержит. Или если у Линды случится очередной мимолетный роман с каким-нибудь неудачником, который даже не перезвонит ей.

Клара вздохнула.

Говорят, девочки ужасны в подростковом возрасте, но после двадцати снова чудесны. У Клары, как обычно, все пошло не так. Чудовищны они сейчас, в свои двадцать три и двадцать один, а подростками были не так уж и плохи. Хотя, конечно, тогда Клара жила с этим ублюдком Аланом и жизнь казалась гораздо проще. В некотором смысле проще.

Ади Кейси пришла домой. Она жила здесь с сестрой и матерью. Ее сестра Линда называла это место Климактерическим замком. Очень смешно, обхохочешься просто.

Мама еще не приехала. Это хорошо, подумала Ади, можно завалиться в ванну, она как раз купила на рынке по дороге домой новые ароматические масла. Еще она купила натуральных овощей, а то неизвестно, какую химию принесет из магазина родительница.

Увы, из ванной доносилась музыка. Сестрица Линда пришла первой! Мама когда-то говорила о второй ванной. Хотя бы о душевой комнате! Но в последнее время эта тема не всплывала. И сейчас явно

не лучший момент, учитывая, что мама не получила хорошую работу, на которую так надеялась. Ади приносила домой не много денег, но преподаванием особо и не зарабатывает. Линда не приносила ничего. Она еще училась, а поискать подработку ей и в голову не приходило. Делами распорядилась мама, она же принимала все решения.

Не успела Ади зайти к себе в комнату, как резко зазвонил телефон. Отец.

— Как поживает моя красавица-дочь? — спросил он шутливо.

— Думаю, принимает ванну, пап. Позвать ее?

— Я тебя имел в виду, Ади.

— Ты имеешь в виду того, с кем говоришь, пап, как обычно.

— Ади, пожалуйста. Я только пытаюсь поддерживать беседу, не устраивай скандал на пустом месте.

— Хорошо, папа, прости. Так в чем дело?

— Неужели я не могу просто поздороваться с мо...

— Нет. Ты звонишь, когда тебе что-то нужно.

Ади всегда отличалась острым язычком.

— Мама будет вечером дома?

— Да.

— Во сколько?

— Папа, это семья, а не учреждение, где люди регистрируются на входе и выходе.

— Я хочу поговорить с ней.

— Так позвони ей.

— Она не перезванивает.

— Значит, приезжай.

— Ты же знаешь, она этого не любит. Личное пространство и все такое.

— Папа, по-моему, вы заигрались, я уже успела вырасти. Разбирайтесь сами, а?

— Не могли бы вы с Линдой погулять сегодня вечером? Я хочу поговорить с ней.

— Нет, мы не могли бы.

— Я угощу вас ужином.

— Ты заплатишь, чтобы мы ушли из собственного дома?

— Ну, пожалуйста, помоги мне с этим.

— С какой стати? Ты, если мне память не изменяет, не особенно утруждался помощью ближнему.

— Тебе трудно сделать для отца такую малость?

— Пап, мы с мамой собирались устроить семейный ужин и отпраздновать ее выход на новую работу. Мы давно это запланировали, и я не хочу портить ей вечер. Извини.

— Я в любом случае приеду. — И он повесил трубку.

Линда вышла из ванной вся мокрая, завернувшись во влажное полотенце. Ади неодобрительно посмотрела на сестру. Линда ела что попало, курила, пила и при этом выглядела прекрасно, ее длинным мокрым волосам могла позавидовать дама, только что вышедшая из парикмахерского салона. Нет в жизни справедливости.

— Кто звонил? — поинтересовалась Линда.

— Папа. Чокнулся напрочь.

— Чего хотел?

— С мамой поговорить. Предлагал заплатить нам, чтобы мы ушли сегодня гулять.

Линда оживилась:

— Правда? И сколько?

— Я сказала нет. Это не обсуждается.

— Ты много на себя берешь.

— Позвони ему и передоговорись, если хочешь. Я никуда не иду.

— Думаю, все дело в кое-чем на букву “р”, — предположила Линда.

— С какой стати им теперь разводиться? Раньше надо было. Она не вышвырнула его, когда это нужно было сделать. А сейчас у них прекрасные отношения. У него есть его фифа, у мамы — мы. — Ади искренне не понимала, зачем что-то менять.

Линда пожала плечами:

— Бьюсь об заклад, его фифа беременна, и именно об этом он хочет поговорить.

— Боже, — вздрогнула Ади. — Теперь я уже жалею, что не согласилась на ужин, если из-за этого весь сыр-бор. Пожалуй, я перезвоню ему.

Немного поразмыслив, она решила обойтись сообщением: “Дом будет свободен от детей с 7:30 вечера. Мы ушли в “Квентинз”. Пришлем тебе счет. Люблю, Ади”.

— Алан? Алан, в трубке помехи. Ты слышишь меня? Это Синта.

— Я узнал, милая.

— Ты сказал ей?

— Как раз еду к ней, милая.

— Ты не сдрейфишь, как на прошлой неделе?

— Все произошло не совсем так.

— Главное, чтобы это не произошло снова, пожалуйста, Алан.

- Милая, можешь на меня положиться.
- Придется, Алан, на этот раз просто придется.

Клара вошла в дом. Вокруг стояла подозрительная тишина. Наверное, девочки уже дома. На полу ванной лежали мокрые полотенца, так что Линда точно приходила и принимала ванну. На кухонном столе валялись листовки, призывающие к повторному использованию пластика, значит, Ади тоже уже вернулась. Но теперь, очевидно, дома их нет.

Тут Клара заметила записку на холодильнике.

В 8 приедет папа. Тоном, не допускающим возражений, сообщил, что хочет поговорить с тобой с глазу на глаз, и предложил оплатить нам ужин, так что мы отправляемся в "Квентинз".

Любим, целуем. Ади.

Ну что еще ему надо? И именно сегодня, после этого бесконечного, изматывающего и разочаровывающего дня, после знакомства с этим бездушным местом, где ей придется работать весь следующий год. После часов притворства и подковерной борьбы за рабочее пространство с докучливым больничным бюрокра- том. После беготни по магазинам в поисках соусов для пасты, которые устроят ее привередливых доче- рей. И вот, теперь они ужинают в модном рестора- не, а Кларе придется общаться с Аланом. Интересно, что ему понадобилось на этот раз, ведь они вроде худо- бедно утрясли все финансовые вопросы.

Клара убрала еду. Никаких угощений для Алана. Больше никогда. Прошлого не вернуть. Она достала из холодильника минералку, а две бутылки австралийского “Совиньон блан” спрятала поглубже, за йогуртами и обезжиренным паштетом. Там Алан их ни за что не найдет, а ей они могут очень пригодиться после его ухода.

Ади и Линда радостно уселись за столик в “Квентинз”.

— На счет во-о-он с того столика можно было бы в течение недели кормить небольшую страну. — Ади не одобряла подобное расточительство.

— Да, но кормежка была бы скучной, без огонька. — Линда скорчила смешную гримаску.

— Неужели мы с тобой родные сестры? — изогнула бровь Ади.

— Ты вечно задаешь этот вопрос, — хмыкнула Линда, потягивая “Текилу Санрайз”.

— Как думаешь, когда он уйдет? — любопытствовала Ади.

— Кто, парень за тем столом?

— Дура! Я про папу!

— Когда добьется, чего хочет. Разве он чем-то отличается от остальных мужчин? — Линда поискала глазами официантку. Еще один коктейль с текилой, и можно будет сделать заказ.

Не успела Клара переодеться в домашнюю одежду, как зазвонил телефон. Мама интересовалась, что представляет собой новое место работы.

— На полу есть ковер? — Ее интересовала практическая сторона.

— Там везде такое... современное покрытие.

— Значит, нет. — Клара явственно представила, как мама поджимает губы. Она поджимала их, когда Клара обручилась с Аланом, вышла замуж за Алана, разошлась с Аланом. Кларина жизнь давала маме немало поводов поджимать губы.

Потом ее подруга Дервла позвонила спросить, какое у Кларинового рабочего места настроение.

— Грибы и магнолия, — ответила ей Клара.

— Боже, в каком смысле?

— Там сейчас такая цветовая гамма.

— Но это же можно изменить.

— Можно, конечно.

— Значит, ты расстроена не из-за цветовой гаммы.

— Кто это расстроен?

— Ой, понятия не имею. Познакомилась с коллегами?

— Нет, там ни единой живой души, все вымерли.

— То есть все плохо, да?

— Как обычно, Дервла. — Клара вздохнула.

— Слушай, Филипп на встрече, так что ужинать не будет. Хочешь, заскочу с бутылочкой вина и прихвачу полкило сосисок? Когда-то это помогало!

— Не сегодня, Дервла. Этот ублюдок Алан заплатил девочкам, чтобы они поужинали в “Квентинз”, ему вдруг приспичило со мной поговорить строго конфиденциально. Не пойму, что еще ему от меня понадобилось.

— Вчера на собрании один из пунктов повестки назывался ЭУА. Так я на полном серьезе подумала, что они имеют в виду Этого Ублюдка Алана.

— А что оказалось на самом деле? — рассмеялась Клара.

— Понятия не имею. Эмоционально уравновешенные алкоголики, этика утраченных амбиций, черт его знает, я не интересовалась.

— Мда, заподозрить в тебе наличие мозгов может только хорошо знакомый с тобой человек, а со стороны ты, дорогая, вылитая блондинка, и это не комплимент.

— Это же отлично работает!

— Мне бы твой талант. В общем, не знаю, чего хочет Алан, но что бы это ни было, он этого не получит.

— А зачем упираться, если это что-то для тебя неважное? Конечно, можно поломаться для приличия, но если тебе это безразлично, то дай ему, что попросит, и живи спокойно.

— Вопрос в том, что он попросит. Дом он не получит. Девочки ему не нужны, к тому же они достаточно взрослые, чтобы идти куда захотят, и к нему их ни капли не тянет.

— Может, он болен ангиной и ему нужен врач?

— Я его никогда не лечила. С самого начала устроила, чтобы он ходил к Шону Марри.

— Тогда, может, захотел жениться на молоденькой и ему нужен развод?

— Нет, он изо всех сил увильивает от брака с ней.

— А ты откуда знаешь?

— Девочки рассказывали, да и он тоже, когда думает, что я готова слушать.

— А ты готова его слушать?

— Не очень. Знаю, вы все считаете, что нужно было давным-давно покончить с этим раз и навсегда. Как знать. Но что сейчас об этом говорить...

— Ладно, удачи тебе, Клара.

— Жаль, не получится в этот раз посидеть с вином и сосисками.

— Ничего страшного, в другой раз.

Клара заглянула в почту. Письмо из магазина красок — таблицу цветов можно забрать завтра утром, письмо от кузины из Северной Ирландии — их дамский клуб собирается в Дублин, не знает ли Клара, где там можно припарковать автобус, пообедать, купить сувениров и подышать воздухом страны, и чтобы цены были не астрономические. Заглянул сосед, собирающий подписи под просьбой о запрете поп-концерта, который оглушит их через три месяца. В восемь вечера раздался звонок в дверь, на пороге стоял Алан.

Он хорошо выглядел. Чересчур хорошо. Намного моложе своих сорока восьми. Лимонно-желтая рубашка апаш под темным пиджаком. Немнущаяся ткань, машинально отметила Клара. Его фифа не будет наглаживать воротники и манжеты. Бывший муж держал в руках бутылку вина.

— Я подумал, так будет приличнее, — пояснил он.

— В каком смысле?... — недобро прищурилась Клара.

— Приличнее, чем сидеть и злобно пялиться друг на друга. Боже, как ты прекрасно выглядишь, какой чудный цвет. Это вереск? Или сирень?

— Понятия не имею.

— Брось, ты всегда отлично разбиралась в цветах. Может, фиалковый или лиловый? Или?..

— Может быть. Ты так и будешь стоять на пороге, Алан?

— Девочки ушли?

— Да, или ты уже забыл, что пообещал оплатить им “Квентинз”?

— Я пообещал угостить их ужином. Не сообразил, что они выберут самый гламурный каба́к. Ладно, что с них взять, вся нынешняя молодежь такова.

— Хм, по части молодежи, Алан, ты у нас большой спец. Проходи, садись, раз пришел.

— Спасибо. Я достану штопор?

— Это мой дом. Я достану мой штопор и принесу мои бокалы, когда захочу.

— Клара, Клара, полегче, я пришел с трубкой мира, в смысле, с бутылкой мира, с чего ты вдруг завелась?

— Сама удивляюсь. В самом деле. Может, с того, что ты годами обманывал меня, весь изоврался, давал обещания и не выполнял их, а потом бросил меня и судился со мной, задействовав всех юристов в округе?

— Ты получила дом. — Алан вскинул на нее непонимающий взгляд.

— Да, я получила дом, за который заплатила. И больше ничего.

— Мы уже обсуждали это, Клара. Люди меняются.

— Я — нет.

— Ты изменилась, Клара, мы все изменились. Ты просто не хочешь признать это.

Она вдруг почувствовала ужасную усталость.

— Чего ты хочешь, Алан? Чего ты на самом деле хочешь?

— Развода.

— Что-о-о?

— Развода.

— Но, господи помилуй, мы разошлись четыре года назад.

— Мы разъехались, а не разошлись.

— Но ты говорил, что не хочешь снова жениться, что вам с Синтой не нужен официоз.

— Не нужен. Но, видишь ли, она умудрилась забеременеть и... ну, понимаешь...

— Не понимаю.

— Понимаешь, Клара, все ты прекрасно понимаешь. Все кончено. Все давно кончено. Пора подвести черту.

— Убирайся.

— Не понял...

— Убирайся, Алан, и заberi свою бутылку мира. Открой ее дома. Ты выбрал абсолютно неподходящий вечер.

— Но это произойдет, так или иначе. Почему нельзя расстаться по-человечески?

— Да, Алан, я тоже не понимаю. — Клара встала из-за стола, резко придвинув неоткрытую бутылку обратно к Алану.

Ей не хватало чувства завершенности. Ужасно неприятно оставлять вопрос вот так, зависшим в воздухе, но Клара не собиралась подыгрывать Алану, жить по его расписанию. Неужели она до сих пор на что-то надеется? Даже если так, это именно то, чего она хочет сейчас.

Клара молчала, пауза затянулась, Алан понял, что аудиенция окончена. Негромко хлопнула входная дверь.

— Синта, милая...

— Алан, ты?

— А сколько еще мужчин называют тебя Синта и обращаются “милая”? — хмыкнул он.

- Что она сказала?
- Ничего.
- Должна же она была сказать хоть что-то.
- Но не сказала.
- Ты к ней не ездил.
- Ездил! — обиженно вскинулся он.
- Но она не могла ничего не сказать.
- Она сказала: “Убирайся”.
- И ты убрался?
- Любимая, ведь это не имеет никакого значения.
- Для меня имеет, — возразила Синта.

Клара всегда верила, что есть верный способ выкинуть все волнения из головы. Много лет назад, в пору студенчества, у них преподавал общую терапию чудесный профессор, которому удалось буквально заразить их своим предметом. Доктор Моррисси, по совместительству отец ее подруги Дервлы.

“Никогда не стоит недооценивать труд как целительную силу”, — неутомимо наставлял он своих подопечных. Моррисси утверждал, что большинству пациентов полезно делать больше, а не меньше. Свою легендарную репутацию профессор заработал благодаря методу лечения бессонницы. Он просто советовал встать и разобрать кассеты или погладить белье. Доктор Моррисси был для Клары роднее, чем настоящий отец, далекий и вечно погруженный в себя.

Сейчас профессор наверняка заставил бы ее заняться каким-нибудь делом. Любым, лишь бы отвлечься от мыслей об этом ублюдке Алане, его беременной подружке и разводе. Клара налила бокал вина и под-

нялась наверх. В конце концов, действительно пора заняться этим чертовым медцентром, раз уж она его на себя взвалила.

Ади с неодобрением наблюдала за сестрой. Та накручивала на палец длинную прядь светлых волос и улыбалась мужчине, сидевшему в другом конце зала.

— Линда, прекрати, — прошипела Ади.

— Прекратить что? — Линда округлила глаза, огромные, голубые и невинные.

— Прекрати с ним заигрывать.

— Он улыбнулся. Я улыбнулась в ответ. Это ненаказуемо.

— У нас могут возникнуть проблемы. Линда, прекрати немедленно!

— Ладно, ладно, зануда. Быть доброжелательной нынче не модно?

Линда надула губы, но тут к их столику, настороженно улыбаясь, подошел официант.

— Мистер Янг передает свое восхищение, он хотел бы угостить юных леди. Возможно, они пожелают выбрать напиток?

— Пожалуйста, передайте мистеру Янгу, что мы благодарим его, но вынуждены отказаться, — выпалила Ади.

— Пожалуйста, передайте мистеру Янгу, я не откажусь от кофе по-ирландски, — заявила Линда.

Официант беспомощно переводил взгляд с одной сестры на другую. Мистер Янг быстро оценил ситуацию и материализовался у их стола. Высокий мужчина лет пятидесяти, в хорошо скроенном костюме, он, судя по всему, умел решать проблемы.